

Ницше как неиспользованная возможность русского идеализма (на примере Московского Психологического общества)

Черников Дмитрий Юрьевич

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: dmitry.chernikov@gmail.com

К этапам рецепции Ницше в России.

В литературе принято выделять четыре периода русской ницшеаны. Первый этап (девяностые годы XIX века) характерен полемикой о нравственной природе ницшеанства, которую со страниц философских и публицистических журналов вели В.Преображенский, Н.Михайловский, Вл.Соловьев, Н.Федоров, Л.Лопатин, Н.Грот, В.Чуйко, А.Волынский, Д.Цертелев. Второй этап (первая четверть XX века) – время наиболее интенсивной работы русских интеллектуалов с наследием Ницше: выходят собрания сочинений философа, появляются претендующие на полноту изложения его идей монографии В.Битнера, Г.Рачинского, Е.Трубецкого, влияние Ницше через своеобразную интерпретацию очевидно в философии «нового религиозного сознания». Третий этап (1920-1970-е годы) – исключение Ницше из культурного поля по политическим причинам. Четвертый этап (начавшийся в 1980-90-е годы) примечателен некоторым возрождением интереса к философу со стороны историков философии. Эту периодизацию в целом разделяют Ю.Синеокая, Н.Мотрошилова и другие исследователи. Несколько другой вариант хронологии предлагает Б.Гройс, увидевший в российском восприятии Ницше 3 шага: 1890-1900-е – дискуссии о природе нравственной философии Ницше, 1910-е – сопоставление мыслителя с Толстым и Достоевским, 1920-30е – интерес к его философии культуры. После 30-х годов, по мнению Гройса, наступают «темные времена», которые он не берется типологизировать.

Первый вариант представляется более аргументированным, а идея Гройса более произвольной, например, рядоположение Ницше и русских классиков характерно для всей русской ницшеаны. Уже Соловьев и Грот смотрели на Ницше на фоне Толстого. Об этом же пишет и Г.Флоровский: «Для девяностых годов равно характерны и влияние Толстого, и влияние Ницше. Влияние Ницше было все же сильнее». С другой стороны, Гройс справедливо акцентировал провал, последовавший после 20-30- годов и длящийся по сей день. Можно усилить его тезис: присутствие Ницше в России ограничилось довольно четким временным отрезком, и в универсуме идей нашей современной гуманитарной культуры очень сложно разглядеть влияние философа или следы преодоления этого влияния. Едва ли причина такого «параллелизма» по отношению к философу объясняется исключительно советским запретом (хотя стоит заметить, что наиболее эффективная работа о освоению корпуса идей Ницше на Западе велась тогда, когда в России она сделалась невозможной). Следовательно, можно предположить, что дело и в качестве, специфике почти 40-летней рефлексии русских мыслителей по поводу Ницше. При этом мировоззренческие проблемы постхристианского общества, поставленные Ницше, остро встали и перед посттоталитарной Россией. В дискуссии о Ницше на сайте АПН (www.apn.ru, январь-май 2006 года) Б.Межуев подводит итог: «Ницше оказался для русской философии тем хребтом, перешагнуть который она не смогла. Именно в этом и ни чем другом проявляется поразительная неактуальность русской идеалистической философии для понимания проблем современности». Однако в чем кроются причины неудачи русских идеалистов?

Нормативизм как методологическая проблема

Термин «неоидеализм» не обладает устоявшимся содержанием. Под ним часто понимают отечественную идеалистическую рефлексию последней четверти XIX-начала XX века (например, ряд авторов «Проблем идеализма»), таким образом отличая ее от так

называемого русского религиозного ренессанса (или нового религиозного сознания). Однако, подчеркивая разницу в стиле мышления между Н.Бердяевым, С.Булгаковым, П.Новгородцевым, С.Франком и другими, с одной стороны, и Н.Гротом, Л.Лопатиным, братьями Трубецкими и Вл.Соловьевым, с другой, последних иногда называют «старыми», «традиционными» или «классическими» русскими идеалистами. При встрече с Ницше «Лопатинский кружок», ядро Московского Психологического общества, избрал линию критического логицизма по отношению к идеалам философа. Проверив Ницше на логическую непротиворечивость идеалов и придя к неутешительным для нее результатам, «старые идеалисты» диагностировали верность критического импульса (но не содержание критики) по отношению к «измельчавшей» современной морали, но решительно встали на защиту традиционного христианства. Однако Соловьев усмотрел положительное и в идеалах философа, оценив идею сверхчеловека как присущую нравственному сознанию (но искаженную у Ницше). Таким образом, Соловьев проложил путь к рецепции последующими русскими интеллектуалами круга идеалов Ницше, которая наряду с влиянием самого Соловьева проявилась в культурных образах сверхчеловека-творца, богочеловека (в экспозициях нового религиозного сознания, многие представители которого состояли в Обществе). Если более традиционный этический нормативизм Лопатина и его друзей противился встраиванию идей Ницше в свою систему, то модернизированный идеализм сделал попытку строго выборочно ассимилировать его мысль – однако опять же без обращения к критической технике Ницше, то есть к анализу «болевых точек» европейской цивилизации. Дискуссия о Ницше и с Ницше велась по поводу идеалов, а не наличности кризиса европейской культуры. Русская философия не смогла проблематизировать Ницше.

Можно констатировать, что «непереживание» русской философией европейской трагедии Ницше было вызвано сознательным (самоопределение в ряде текстов) предпочтением нормативной этики дескриптивному анализу нравственности, избирательного текстологического подхода – комплексному методу проблематизации Ницше, с последующим его преодолением. Само по себе фрагментарное, такое предположение может стать отправной (как бы от конца русской философской классики к ее началу) точкой для анализа ключевой, учитывая глубину западного влияния, историко-философской темы – технике прочтения русскими философами европейских текстов и постановке гипотезы о в высшей степени нормативно-идеальной установке читателей. Также предполагается, что тема может способствовать затянувшейся интеграции герменевтических практик в современный отечественный историко-философский арсенал. Итак, можно заключить, что для историка философии тема Ницше в России – в значительной мере тема методологическая.

Литература

1. Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Россия и Германия опыт философского диалога. С.30-52.
2. Грот Н.Я. (1893) Нравственные идеалы нашего времени. Фридрих Ницше и Лев Толстой // Вопросы философии и психологии. № 16. С.129-154.
3. Синеокая Ю.В. (1999) Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Ф.Ницше и философия в России. С.-Пб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. С. 7-37.
4. Флоровский Г.В. (1937) Пути русского богословия. YMCA-PRESS, Paris.